

Вопросы философии. 2016. № 6. С. 200–207.

В “защиту” повседневности

А.А. Сыродеева

В статье отстаивается отношение к обыденному как к контексту, поддерживающему в личностном становлении ребенка и выступающему опорой во внутреннем движении для взрослого человека. “Обычай повседневности” (Б. Пастернак) не ограничены рамками рутинного быта, они выводят личность на уровень ценностей и смыслов, вверяемых нам другими как дар. Размышляя над сборником стихов “ВОКШАТСО” современного российского поэта Константина Гадаева, автор статьи стремится показать, что в повседневности, сплетенной с традицией, каждому удается начертать и оставить след, проходя жизненный путь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: повседневность, обыденное, ценности, малое, частное, локальное, провинциальность, Другой, традиция, история, поэзия.

СЫРОДЕЕВА Ася Александровна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философских исследований идеологических процессов Института философии РАН, Москва.

Цитирование: *Сыродеева А.А.* В “защиту” повседневности // *Вопросы философии. 2016. № 6. С. 200–207.*

Voprosy Filosofii. 2016. Vol. 6. P. 200–207.

In “Support” of Everyday Life

Asya A. Syrodeeva

The author of the article regards ordinary life as a context which supports both children and adults in their development as personalities. “The customs of everyday life” (Boris Pasternak) are not limited to routine, they lead a personality to the level of values and meanings presented by others as Gift. Reflecting on the collection of poems “VOKSHATSO” of the contemporary Russian poet Konstantin Gadayev, the author of the article shows that everyday life, interrelated with tradition, is the soil for individual growth and self-realization.

KEY WORDS: everyday life, ordinary life, values, the small, the particular, local, Other, otherness, tradition, history, poetry.

SYRODEEVA Asya A. – CSc in Philosophy, Senior Research Fellow, Department of the Philosophical Studies of Ideological Processes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

h.puck@mail.ru

Citation: *Syrodeeva A.A.* In “Support” of Everyday Life // *Voprosy Filosofii. 2016. Vol. 6. P. 200–207.*

В “защиту” повседневности

А.А. СЫРОДЕЕВА

В наших представлениях повседневное и неповседневное уже не выступают в качестве различных и несоизмеримых по своему значению онтологических структур. Это – разные реальности лишь постольку, поскольку представляют разные типы опыта.

Наталья Козлова

Обрамление в заголовке слова “защита” кавычками – попытка преодолеть наблюдаемую подчас неприязнь в отношении повседневного, не способствуя при этом социальному напряжению. В самом общем плане враждебность по отношению к обыденности можно охарактеризовать как определенную степень высокомерия. Такой уровень неприязни на первый взгляд кажется незначительным и не заслуживающим обсуждения. Однако, как оказывается, подобного рода отношение к повседневности нередко демонстрируют представители элит (будь то финансовой, политической или интеллектуальной), и оно достаточно легко трансформируется в катализатор общественного противостояния (о некоторых дискуссиях по этой проблеме см.: [Вальденфельс 1991; Серто 2013; Козлова 1996; Козлова, Сандомирская 1997; Вахштайн 2013 web; Сыродеева 2012]).

Повседневное рутинно, для него характерны повторы и, соответственно, однообразие. Более того, оно очевидно и ожидаемо. Все это делает обыденно-приземленное непривлекательным. Однако подобные оценки представляются односторонними – они во многом обусловлены тем, из какой социальной точки декларируются. Стоит вспомнить, сколь значительный интерес вызывают у туристов повседневные моменты жизни представителей коренного населения или насколько самое рутинное действие оказывается не по силам тому, кто к нему не привычен.

Вместе с тем факторы материального, психологического порядка нередко способствуют превращению повседневности в ловушку, существенно сковывающую свободу личности. Но и в этих случаях многое зависит от восприятия – от внутренней готовности осознать проблему и искать способы “разгерметизации” повседневного.

Жизнь в значительной мере есть рост, который, в свою очередь, предполагает укорененность. Духовное восхождение вряд ли возможно, если под ногами нет азбучно-приземленного. Речь не идет об идеализации повседневного, а скорее об оправданности внимания к нему как фундаментальному основанию человеческого существования.

В романе Б. Пастернака “Доктор Живаго” одному из героев принадлежат следующие слова: “До сих пор считалось, что самое важное в Евангелии нравственные изречения и правила, заключенные в заповедях, а для меня самое главное то, что Христос говорил притчами из быта, поясняя истину светом повседневности” [Пастернак 2013, 55]. Отдавая себе отчет в том, что писатель в эту фразу вкладывал смыслы, восходящие к многовековой духовной традиции, решусь утверждать, что приведенные слова допускают и светское прочтение. Есть в повседневном нечто, наполненное смыслом и теплом, что необходимо человеку для понимания себя и окружающего мира.

Оттолкнувшись от приведенной цитаты, обратимся к блоку связанных с ней рассуждений Б. Пастернака. Повествуя о юношеском периоде в жизни героини, который пришелся на дореволюционную эпоху, он пишет: “Лара не была религиозна. В обряды она не верила. Но иногда для того, чтобы вынести жизнь, требовалось, чтобы она шла в сопровождении некоторой внутренней музыки. Такую музыку нельзя было сочинять для каждого раза самой. Этой музыкой было слово Божие о жизни, и плакать над ним Лара ходила в

церковь” [Там же, 62]. Для Б. Пастернака повседневное согласуемо с тем, что имеет духовное содержание, длящееся сквозь время. В размышлениях героя романа, Юрия Андреевича, подобного рода сплав именуется “обычаями повседневности” [Там же, 311]. Различая два направления в русской литературе, Б. Пастернак (от имени героя) поясняет, что стоит за данным понятием. “Изо всего русского я теперь больше всего люблю русскую детскость Пушкина и Чехова, их застенчивую неозабоченность насчет таких громких вещей, как конечные цели человечества и их собственное спасение. Во всем этом хорошо разбирались и они, но куда им было до таких нескромностей, не до того и не по чину! Гоголь, Толстой, Достоевский готовились к смерти, беспокоились, искали смысла, подводили итоги, а эти до конца были отвлечены текущими частностями аристократического призвания, и за их чередованием незаметно проживали жизнь, как такую же личную, ни кого не касающуюся частность, и теперь эта частность оказывается общим делом и подобно снятым с дерева созревающим яблокам сама доходит в преисполненности, наливаясь все большею сладостью и смыслом” [Там же, 311].

Следуя логике Б. Пастернака, можно сказать, что повседневность и есть собственно жизнь во всей сложности, многогранности, неоднозначности. Жизнь складывается из череды “текущих частностей”, одновременно формирующих человека и являющихся объектом личностных усилий. Более того, в сугубо житейские моменты вновь и вновь вплетается духовное содержание, объединяющее людей между собой здесь и сейчас, а также с другими поколениями (прошлыми и будущими). Повседневное не противостоит культуре как нечто предшествующее ей или низовое, а является ее неотъемлемой составляющей, оно встроено в культуру и откладывается историческими слоями¹. Б. Пастернак напоминает о традиции, ценящей “частности”, ставшие личным призванием: “И вот в завал этой мраморной и золотой безвкусицы пришел этот легкий и одетый в сияние, подчеркнута человеческий, намеренно провинциальный, галилейский, и с этой минуты народы и боги прекратились и начался человек, человек-плотник, человек-пахарь, человек-пастух в стаде овец на заходе солнца, человек, ни капельки не звучащий гордо, человек, благодарно разнесенный по всем колыбельным песням матерей и по всем картинным галереям мира” [Пастернак 2013, 57]. “Обычаи повседневности” не ограничены рамками рутинного быта, они выводят личность на уровень ценностей и смыслов, вверяемых нам другими как дар, позволяя ощущать себя частью сквозь время пребывающего сообщества.

Мы снова и снова берем уроки, помогающие видеть и создавать духовное содержание в пространстве, где оно вполне реально и ощутимо: среди людей, которые нас окружают день за днем. А затем мы делимся друг с другом опытом тех минут и ситуаций, где свет отношений и смыслов был воспринят и пережит в непосредственности. Опыт других становится нашим собственным, мы прирастаем им. Его содержание обретает новые формы воплощения, играет новыми красками, оставаясь простым и понятным, каковым является мир обыденного.

Откроем сборник стихов “ВОКШАТСО” [Гадаев 2015]² современного российского поэта Константина Гадаева³ и взглянем в узнаваемый мир бытовой рутины, где мало что случается. В этой социальной нише “события невелики” и, казалось бы, “ничего не изменить”. Здесь приходится довольствоваться немногим, что лишь изредка прерывает устоявшееся однообразие.

Ждать чего-то терпеливо,
может, музыки какой...
Из больших событий – ливень
вертикальную рекой.

Дребезжал в текучих стеклах,
топал в кровельную жесть.
Силы жизненной-то сколько
до сих пор на свете есть!
<...>

Напомним, что природа – “первая” повседневность; как и социальная, она будто наполнена лишь очевидным. Вслед за поэтом мы всматриваемся, вслушиваемся в монотонные повторы, неразрывные с жизнью. Книга стихов К. Гадаева воспроизводит много привычных ритмических рисунков. Ритм, на первый взгляд, ограничивает пространство движения, но, как оказывается, задав определенный шаг-размерность, он помогает сосредоточиться и ощутить, а затем понять и сформулировать, что-то очень существенное. Ставший почти неприметным или низведенный на эту роль ритм открывает сознанию то, что не давалось в беге, в псевдопрорывах, в претензиях на динамичность.

ГАМАК

<...>

О, звук покоя и тоски –
верёвки трутся о крюки!

<...>

Я благодарен гамаку
за то, что все еще могу
покачиваться и курить,
с самим собою говорить.
И видеть, слышать, осязать,
принюхиваться, так сказать,
и потихоньку засыпать,
любой полундре вопреки,
под звук покоя и тоски.

ВЕНТИЛЯТОР

Ты не спи, Вентилятор, мой друг!
Продувай, колыхай все вокруг,
головую бессонной мотай,
лопастями мелькай,
от мыслей отвлекай,
но, пожалуйста, не улитай!

<...>

Ты не спи, Вентилятор, не спи.
Мой характер занудный терпи.
Ты и мне помогай не уснуть,
чтобы стих дотянуть,
а потому улизнуть –
и в рассветную гладь занырнуть.

Ритмика обыденного не лишена содержания. Стихотворение “Дрова” рисует то, как жизненная неотложность, неустанная воспроизводимость повседневных забот *собирает* взрослых и детей, домочадцев, соседей, друзей. В этом бытовом хлопотном единении каждый из участвующих обретает важные для него смыслы. Их палитру доносит до нас поэт, рассказывая о разных позициях и устремлениях. Вслушаемся в некоторые из них:

<...>

А вот и Саша Гусев, мимо едя,
К нам зарулил. Сказал, что по ночам
Не спит чего-то. Делать ничего
Не делает, а ляжет и лежит...
– *Дай хоть дровишки покидаю, что ли!*
Простое дело лечит от всего.

<...> с горкой тачку нагружает
Наш Миха, затевая гимн дровам,
С пристрастием к риторике античной:
*О, сколько же в дровишках сих тепла,
И посиделок у костра, и споров,
И стопок опрокинутых, и песен...*
*Осенняя пусть обступает мгла,
Пусть свой зима показывает норы –
Наш скромн стол, зато друзьями тесен.*
О, сколько же в дровишках сих тепла!..
<...>

Повседневность не герметична, она открыта Другим, с которыми поэт беседует то вслух, то про себя. Он настроен говорить о важном, серьезном – “в ночь бессонную в свете совести” [Гадаев 2015, 37] – стремясь “что-то лучшее в сердце вернуть” [Там же, 40], и считает, что такого рода разговор начинается с простых тем и проблем (“вымыть, смазать, подкачать” [Там же, 5]) среди родных и друзей, “тех, кто на фотках рядышком, с улыбками на лице” [Там же, 43]. Частые беседы в повседневном интерьере (доверительные с женой и детьми, застольные и у костра, когда “помянута каждая малость” [Там же, 51]) выступают необходимым контекстом внутренних переживаний, размышлений и поисков.

В той мере, в какой повседневность социальна, будучи длящейся обращенностью к Другому, она многолика. Беседы, свидетелями которых мы становимся, совершаются в разных жанрах. С самого начала нам сообщают, что под одной обложкой собраны элегии, притчи и куплеты. Разноплановые стили общения, как и в реальной жизни, подпитывают друг друга. Располагая рядом “высокое” и “низкое”, поэт показывает, как непохожие речевые практики живут бок о бок, фактически помогая пребывающему в культурной мозаике сформулировать вопросы, требующие понимания и, по возможности, решения. Соответственно, интонация поэта не остается неизменной. Он то критичен, то ироничен, а порой сентиментален, когда описывает повседневность такой, какая она есть: однообразная, буксующая, неприглядная, теплая, трогательная, милосердная.

Звучащая в стихах обращенность к разным Другим, к социальному многоголосию способствует обретению внутренней открытости, полноты бытия. Сборник демонстрирует, как через неустанные беседы смысл кристаллизуется, принимает форму и затем... отрывается от земли. В повседневности сокрыта гамма отношений, заряжающих личность душевной и смысловой энергией. Обогретый теплотой и светом общения с духовно близкими людьми, лирический герой на наших глазах устремляется в “необычные” путешествия.

<...>
Я тоже, как птица, руками машу.
Я тоже, я тоже вот-вот полечу!
И этим полетом людей насмешу.

Людей, что подолгу сидят у огня,
котлет налепили и рады гостям,
людей, что на небе увидят меня
и скажут: *Смотрите, летит наш Костян!*
Как Аэростат Цепелиныч какой!..

И я помашу им рукой.

Для поэта в повседневности сосуществуют оседлость и динамичность. “Полетные” стихи не перечеркивают *провинциальности* повседневного, где в работе рук, чувств, мысли создается душевная поддержка. Обретаемая личностью устремленность хранит память

об истоках, которыми питается внутренняя динамичность. Стихи рисуют кружение-движение времени, объединяющее рутину с полетом, лежащее у нас под ногами с парящим в небе, статичное с пребывающим в движении. Человеческая жизнь, в которой соседствует детство со старостью, радость с горем, смех со слезами, сплетена, слеплена с родственным ей кругом движения природы.

Потоком времени несом,
я в нём почти что невесом,
хотя весьма увесист.
Вот тут стою на берегу
и настояться не могу,
как будто соткан весь из

песка, и блеска зыбких вод,
и шелестов, и этих вот
комариков и мошек,
поклёвки ждущих рыбаков...
И музыки, быть может.

А время крутит и несёт
из глуби в синеву высот,
в полёт необычайный,
где света горнего игра...
И жизнь – лишь капля серебра
с крыла озёрной чайки.

Устремленности лирического героя созвучен опыт живущих в российской провинции: их самобытный взгляд на мир, жизненная мудрость и глубина переживаний. Природа им служит психологической и мировоззренческой поддержкой. Нарисованные поэтические портреты жителей Селигера помогают увидеть и понять, как нередко человеку удается обнаружить духовные смыслы в повседневной простоте и одновременно раздвинуть ее рамки душевным усилием.

Пройдя колоннаду сосен,
врасти в изумрудный мох...
С рожденья в себе мы носим
короткое слово *Бог*.

Но здесь, на краю озёрной
распахнутой красоты,
ввиду широты обзора
виднее Его черты.

Точнее, в воде отражённый
такой то ли цвет, то ли свет,
когда от песком груженной
баржи расходится след, –

что можно в Него и не верить,
а попросту видеть и знать,
всей кожей в атмосфере
присутствие осязать.

Повседневное предстает у К. Гадаева в объемности, будучи сплетено с уходящей в историю духовной традицией, собирающей людей для взаимоподдержки и задающей тональность внутренней работы. Самые первые уроки традиции – в простых, незамысловатых условиях повседневного быта. Неслучайно в сборнике упоминаются дети (есть строки, обращенные непосредственно к ним). Для детского сознания повседневность в течение какого-то периода олицетворяет весь мир. Давая советы ребенку, как вести себя в пространстве быта, взрослый фактически подсказывает, на что стоит ориентироваться в жизни. В совместном осмыслении бытовых ситуаций совершается передача эстафеты жизни и вручение смыслов следующим поколениям.

Обыденное – место, из которого берут начало векторы внутреннего движения. Там сокрыто многое из того, что становится предметом жизненных поисков человека.

Сам сознаю, что жалок и смешон,
когда прошу: стихи, не уходите!
Ещё хоть раз в себе соедините
крик чайки и на вилке корнишон,

из нержавеющей стопочки и небо
вечернее, другое каждый день...
Ещё хоть раз полюбоваться мне бы
от камушка кругами по воде –

к вам применительно. Не уходите!
Для вас дозрели вишня и любовь...
Я потеснюсь – живите, где хотите,
в любом просвете, в мелочи любой.

Эти строки подсказывают, откуда вырастает высокое – из обыденной жизни, “прогревающей докрасна сердца” [Там же, 21]. Здесь, в повседневности, сплетенной с традицией, удастся каждому начертать и оставить след, пройдя жизненный путь.

Источники – Primary Sources in Russian

Гадаев 2015 – *Гадаев К.* ВОКШАТСО. М.: Изд-во Н. Филимонова, 2015 [*Gadayev K. VOKSHATSO <spoonerism – editor’s note>*].

Пастернак 2013 – *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго. М.: Детская литература, 2013 [*Pasternak B.L. Doctor Zhivago*].

Ссылки – References in Russian

Вахштайн 2013 web – *Вахштайн В.С.* 10 лекций о мире повседневных взаимодействий. URL: <http://postnauka.ru/courses/17477>

Вальденфельс 1991 – *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности / Пер с нем. // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.

Гаспаров 2012 – *Гаспаров М.Л.* Филология как нравственность. М.: Фортуна ЭЛ, 2012.

Козлова 1996 – *Козлова Н. Н.* Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М.: ИФ РАН, 1996.

Козлова, Сандомирская 1997 – *Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* “Наивное письмо” и производители нормы // Коллаж. М.: ИФ РАН, 1997. С. 7–32.

Серто 2013 – *Серто М.де.* Изобретение повседневности. Т. 1. Искусство делать. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.

Сыродеева 2012 – *Сыродеева А.А.* Релятивизм в роли идеологии повседневности // Возможности малого. М.: Восточная литература, 2012. С. 7–21.

References

- Certeau M. de.* L'invention du quotidien. Paris: Gallimard, 1990 (translated into Russian by D. Kalugin, N. Movnina).
- Gasparov M.L.* Philology as Ethics. Moscow: Fortuna El, 2012 (in Russian).
- Kozlova N.N.* Horizons of Everyday Life of the Soviet Era (Voices from the Choir). Moscow: Institut Filosofii Rossiyskoy Akademii Nauk, 1996 (in Russian).
- Kozlova N.N., Sandomirskaya I.I.* "Naive Writing" and the Producers of the Norm // Collage. Moscow: Institut Filosofii Rossiyskoy Akademii Nauk, 1997. P. 7–32 (in Russian).
- Syrodeyeva A.A.* Relativism as Ideology of Everyday Life // Potency of the Small. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2012. P. 7–21 (in Russian).
- Vakhshtayn V.S.* 10 Lectures on the World of Daily Interactions. URL: <http://postnauka.ru/courses/17477> (in Russian).
- Waldenfels B.* Alltag als Schmelztiegel der Rationalität // Amerikastudien. 32 Jg. Heft 2. 1987. S. 199–207 (translated into Russian).

Примечания

¹ О роли повседневности в истории культуры М.Л. Гаспаров пишет: “Греческая эпиграмма, которой мы любуемся, для самих греков была литературным ширпотребом, а греческие кувшины и блюда, осколки которых мы храним под небьющимися стеклами, – ширпотребом керамическим. Жанр романа, без которого мы не можем вообразить литературу, родился в античности как простонародное чтиво, и ни один уважающий себя античный критик даже не упоминает о нем” [Гаспаров 2012, 9]. При этом он обращает внимание и на обратный процесс: “Есть закономерность: классические памятники взрослой литературы спускаются в детскую и продолжают в ней быть массовым достоянием” [Гаспаров 2012, 231].

² Автор объясняет смысл названия сборника следующим образом: “Над главной пристанью в Осташкове красуется надпись большими бетонными буквами с названием города. Прочсть ее возможно только со стороны озера (озера Селигер. – А.С.), подплывая на теплоходе. Из города же эта надпись прочитывается как ВОКШАТСО. Слово это втемяшилось в голову автора как символ веселой и роковой противоречивости нашей жизни” [Гадаев 2015, 4].

³ Константин Гадаев входит в поэтическое содружество “КУФЕ́ГА” вместе с Михаилом Кукиным и Игорем Фёдоровым.